

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ СТРУКТУРНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Ю. И. Борсяков

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 18 марта 2025 г.

Аннотация: текст содержит в себе некоторый имплицитный компонент, эксплицируемый в том числе посредством процедур структурного анализа. В результате уже на интуитивном уровне исследователю ясно, что текст имеет своим основанием гораздо более глубокий социокультурный структурный компонент, нежели тот, который раскрывается, затрагивается в самом тексте, поскольку текст не безграничен, его ограничивает собственная форма, благодаря которой он существует как завершённый, самостоятельный, статичный. Процесс создания текста остаётся за пределами самого текста, в области неявного, интуитивно постигаемого, соотносимого в логике данной работы с его социокультурным контекстом и структурным компонентом текста в целом.

Ключевые слова: структура, метод, текст, анализ, знак, символ, язык, речь, культура.

Abstract: the article shows that the text is preceded by logical structures, on the part of the author himself, in other words, the text contains some implicit component, explicable, among other things, by means of structural analysis procedures. As a result of this circumstance, it is already clear to the researcher on an intuitive level that the text has a much deeper socio-cultural structural component than the one that is revealed and touched upon in the text itself, since the text is not unlimited, it is limited by its own form, thanks to which it exists as complete, independent, static. Thus, the process of creating a text remains outside the text itself, in the realm of the implicit, intuitively comprehended, correlated in the logic of this work with its socio-cultural context and the structural component of the text as a whole.

Key words: structure, method, text, analysis, sign, symbol, language, speech, culture.

Структурализм – это методологическая программа, в которой за исходное начало берутся структуры текста (от лат. *textus* – «ткань, сплетение»). В центре данной стратегии ставятся обезличенные структуры. Н. С. Автономова выделяет в развитии структурализма «несколько этапов: 1) становление метода – в структурной лингвистике; 2) распространение метода и философское осмысление этого процесса; 3) «размыывание» метода, включение его в социокультурный контекст; 4) критика структурализма и переход к постструктурализму [1]. Как философское направление структурализм возник во Франции после Второй мировой войны, хотя предпосылки появились много раньше в структурной лингвистике Ф. де Соссюра и деятельности Пражского лингвистического кружка, основателями которого были Р. О. Якобсон и Н. С. Трубецкой.

Начальным пунктом методологии структурализма стал «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, который первым смог придать лингвистике научный вид. Согласно Соссюру, язык есть знаковая система [2, с. 163]. Язык – социальное явление. Он не основан на естественном положении вещей и, следовательно, условен. Лингвистический знак объединяет не вещь

и имя, но понятие «акустический образ» [3, с. 99]. Лингвистические знаки не соотносятся непосредственно с вещами, они как бы скользят по поверхности. Вне их связи с вещами знаки лишены смысла. Любой знак обладает значимостью не сам по себе, а в зависимости от окружения синтаксического ряда [там же, с. 146]. Главное содержание языка – его структура, внутренняя форма. Соссюр соединил лингвистику и семиотику как науку о знаках. Выделим его принципиальные идеи: во-первых, язык рассматривается здесь как упорядоченная система знаков, способная нечто обозначать и выражать только через взаимосвязь элементов друг с другом, включение элементов языка в определённую систему отношений; во-вторых, утверждение отсутствия субстанции языка: нет материи языка, даже на уровне звуков есть лишь пары деструктивных фонем, взаимоотрицающих элементов, есть чистое различие без выделения его носителя. Таким образом, Соссюр выделил ключевое положение структурной лингвистики – оппозицию языка и речи; знак есть единство означающего и означаемого, но если в традиционной трактовке означающее подчинено означаемому, обслуживает его, то у Соссюра означаемое произвольно и немотивированно в данной системе знаков.

Применение научных методов в рамках Пражско-львовского лингвистического кружка позволило Н. С. Трубецкому исследовать типы фонологических систем. В этом отношении заслуживает внимания его статья о вокалических системах [4]. В ней применительно к вокализму намечены основные типы вокалических противоположностей, их дифференциальных признаков и тех конфигураций вокализма, основа которых встречается в языках.

Таким образом, Н. С. Трубецкой, следуя разделению Соссюра языка и речи, делит фонетику на две отдельные науки о звуках – собственно фонетику как учение о звуках речи и фонологию как учение о звуках языка. Фонология выявляет в звуковом потоке систему фонем, фонемы предстают как концептуальные единицы языка, структурированные через фонологические оппозиции. Основные мотивы фонологии как учения и метода, разработанные Трубецким и доработанные Якобсоном, заложили принципиальные основы будущего структурализма: выделение бессознательного базиса лингвистических явлений, введение понятий «система» и «структура», элементы которых не рассматриваются как самостоятельные сущности, но анализируются только отношения между этими элементами.

Структура акта речевой коммуникации включает шесть элементов: адресант, адресат, сообщение, контекст, код, контакт. Процесс речевой коммуникации представляет собой передачу (посыл) сообщения адресанта адресату. То, о чем идет речь в сообщении, есть его контекст, который должен быть вербализованным и восприниматься адресатом. У участников коммуникации должен быть общий (хотя бы частично) код. Чтобы коммуникация состоялась, должно произойти декодирование адресатом сообщения адресанта. Наконец, о шестом компоненте: «контакт – физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию» [5, с. 198].

Каждому из названных факторов соответствует функция языка. Функций также шесть: эмотивная, конативная, референтивная, фатическая, метаязыковая, поэтическая. Эмотивная (экспрессивная) функция сосредоточена на адресанте и выражает его отношение к тому, что несет его сообщение и его стремление произвести эмоциональное впечатление на адресата. В свою очередь, конативная (апеллятивная) функция ориентирована на адресата и находит свое грамматическое выражение «в звательной форме и повелительном наклонении». Повелительные предложения не могут быть истинными или ложными, их невозможно превращать в вопросительные предложения. Референтивная (денотативная, когнитивная) функция обращена к сообщению, а поскольку то, что

собой являет сообщение, есть самое главное в нем, в иерархии функций эта функция занимает ведущее место.

В «традиционной модели языка», как отмечает Якобсон, рассмотренные выше три функции были единственные. Он выделяет еще три. Фатическая функция нацелена на контакт. Ее назначение – поддержание самой коммуникации. Якобсон обращает внимание на то, что фатическую функцию «первой усваивают дети; стремление вступать в коммуникацию появляется у них гораздо раньше способности передавать или принимать информативные сообщения» [5, с. 201].

Французский структурализм был представлен многими фигурами, такими как Ж. Лакан, М. Фуко, Р. Барт, Ж. Деррида, У. Эко, Л. Гольдман, Ю. Кристева. В своей концепции «структурного психоанализа» они выходят за пределы и леви-строссовского структурализма и психоанализа З. Фрейда.

Основоположником генетического структурализма стал Л. Гольдман. Особенности структурно-генетического метода Гольдман демонстрирует на примере литературного творчества. В произведениях литературы подлинным субъектом творчества является социальная группа. Генетический структурализм берет «за основу гипотезу, согласно которой коллективный характер литературного творчества определяется тем фактом, что структуры, образующие мир произведения, гомологичны мыслительным структурам некоторых социальных групп (или, по крайней мере, находится с ними в очевидной связи), тогда как в плане содержания, т. е. с точки зрения создания вымышленного мира, управляемого этими структурами, писатель обладает неограниченной свободой» [6, с. 339].

М. Фуко разрабатывает ряд идей Ф. Ницше в качестве ориентиров своих философских поисков. Философ отказывается от эволюционизма в трактовке истории культуры. «Археология знания» – это не «история идей» или «история наук», а история эпистем. История являет собой иррациональный поток, в котором рождаются и уходят в небытие очередные эпистемы. История бессубъектна, у нее нет творца. Субъект – «пагубная фикция, изобретенная философией Нового времени» [7, с. 92]. М. Фуко приходит к идее «Смерти Субъекта». Метафорическая фигура «Смерть Субъекта» стала ключевым принципом конструирования его «погранично-исторических» исследований маргинальных явлений культуры: если для классики в центре внимания был объект, а для модернизма – субъект, то постмодернизм приходит к «расщеплению субъекта». Принцип «Смерти Субъекта» стал вехой на пути расчеловечивания западной культуры.

Так или иначе, позиции «Смерти Субъекта» и «Смерти Автора» сразу после их внедрения в пост-

структуралистский методологический лексикон стали неотъемлемой частью как постструктурализма, так и постмодернизма. Как и структурализм, постструктурализм был наиболее заметно представлен во Франции работами Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делёза, Ж. Бодрийяра, Ж. Дерриды, Ю. Кристевой и ряда других авторов. У. Эко видел в постструктуралистах «разрушителей французского структурализма». Постструктуралисты отменили саму структуру: «естественным завершением всякого структуралистского начинания является умерщвление самой идеи структуры» [8, с. 328]. Структура в традиционном ее понимании структуралистами упраздняется. Структуриацию текста заменяет его деконструкция – понятие, введенное Ж. Деррида и принятое другими структуралистами. В основе деконструкции лежит «негация» «логоцентризма» – примата рационального в культуре. В поле отрицания деконструктивистов попадает прежде всего вся философская метафизика, к которой они относят не только философов-классиков, но и постклассиков Ф. Ницше, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, поскольку в восприятии постконструктивистов все они опирались на «мысль», отсекая «не-мысль». Исследователи отмечали, что «системное опровержение философии логоцентризма суть пафосная программа деконструкции» [9, с. 197].

При оценке деятельности постструктуралистов возникает совсем иная картина. По сути дела, постструктурализм разрушает (деконструирует) все сложившиеся за предыдущие столетия парадигмы и программы науки – классические и постклассические. Познавательные модели науки они заменяют квазинаучными по своей сути игровыми практиками (концепт языковых игр Л. Витгенштейна), в которых полностью размываются смысловые и истинностные границы знания. «Логика смысла» превращается в логику «парадокса», «абсурда», «бессмысленности». Ярче всего это продемонстрировано в книге Ж. Делёза, которая так и называется «Логика смысла» [10]. Особенность ее в том, что «логика» постмодернизма оборачивается «паралогией» (термин Лиотара). Паралогия – это полная непредсказуемость (в смысле классической логики) всего горизонта жизни и мысли. Каждая реальность, являясь текстовой по своей структуре, открывает бесконечные возможности для интерпретаций и трансформаций.

Вопрос взаимодействия структуры и субстанции текста как универсальных парадигм мышления имеет в своем основании проблему классической метафизики и попыток ее ниспровержения, прежде всего с позиций отрицания разума как составляющего сущность мира и его тождественности познающему сознанию [11, с. 15]. Исследование субстанции текстов как необходимого условия их системного изучения формировалось изначально в богословии и религиозной философии.

Применительно к интересующей нас проблеме структуры и логики языка в тексте обозначенное обнаруживает себя в проблематике языка или – более конкретно – в проблематике, сформированной «лингвистическим поворотом». Источником, позволяющим концептуализировать проблему структуры-субстанции, являются труды Соссюра, согласно которым язык является системой отношений, не содержащих субстанционального наполнения [12, с. 48] в их проецировании «...на понимание всей человеческой деятельности, а потом и универсума» [13, с. 71]. Таким образом, важнейшей предпосылкой проблематизации взаимодействия структуры и субстанции как парадигм мышления является экстраполяция структурного мышления на понимание культуры.

Олицетворение культуры с языком и далее со структурой текста сделало категорически невозможным рассмотрение текста как функционирующего в культуре, что привело к двум следствиям. Первое заключается в рассмотрении текста и его структуры в изоляции от субъекта (автора или интерпретатора), второе – в низведении культуры, трактовке классической метафизики до ничто, материалистической трактовке до фикции «ничто», а в терминологии структурализма – до «пустой клетки». Ничто в рамках структурализма приобретает способность порождать нечто через структуралистскую категорию позиционного смысла, формирующегося как комбинация элементов, «...которые сами по себе не являются означаемыми» [14, с. 141]. Такое понимание смысла и смысла текста в том числе является закономерным итогом бессубстанциональной парадигмы мышления, формирующей смыслы из «циркуляции» бессмысленного в структуре, когда «...бессмыслие совсем не является абсурдом или противоположностью смысла, но тем, что выставляет смысл, производит его...» [там же, с. 142].

В своем развитии структурализм трансформировался в постструктурализм, подвергший критической интерпретации основы структурного мышления. Критерием расхождения структурализма и постструктурализма признается замена оппозиции «структура – произведение» на оппозицию «произведение – текст» [11, с. 35]. В этих случаях происходит процесс редукции культуры и, как следствие этого, субстанциональной парадигмы мышления. Структурный подход, имеющий своим основанием оппозицию «структура – произведение», нацелен на выявление неявного, глубинного смысла произведения и любого культурного феномена с целью его дальнейшей актуализации в рамках структуры. Вместе с тем анализ ряда результатов структурных исследований произведений убедительно демонстрирует следующий факт: «...понятие структуры не позволяет объяснить... текст... ибо в тексте возникает существенное

приращение смысла...», так как текст и его смысл характеризуются в том числе своей «социокультурной природой» [там же, с. 22]. Таким образом, неявный смысл произведения, детерминированный культурной средой, не тождествен его структурному объяснению, в рамках которого культурная детерминанта неявного редуцируется до динамики «пустой клетки». Указанные замечания относительно структурализма могут быть расценены как не существенные для научного познания, имеющего четкие границы между трудами научными и произведениями художественными и, следовательно, научными и художественными текстами. Однако данное не справедливо для постструктурализма, сделавшего своим главным объектом уже не произведение, а текст. Подход к тексту, обнаруживаемый в постструктурализме, в своей сути проявляет тенденции к преодолению границ собственно художественного, обнаруживая свою прогрессию к уровням философской рефлексии. Примером подобного подхода к тексту, основанного на противопоставлении текста произведению, являются идеи Р. Барта, высказанные им в статье «От произведения к тексту». Барт подверг критике устоявшиеся мнения в литературоведении. Теория текста рассматривалась им как производительность языка и порождение смысла. Обращение Барта к понятию «текст» дает возможность детально проследить его переход от структурализма к постструктурализму, тем самым обратив внимание на развитие постмодернистских идей. Подчеркивая символичность текста, Барт сопоставляет понятие текста и произведения в работе «От произведения к тексту» [15]. Кратко резюмируем основные идеи Барта, высказанные им по отношению к тексту: а) текст неисчислим, он «...размещается в языке, существует только в дискурсе...»; б) текст не классифицируем, «...не поддается включению в жанровую иерархию...»; в) текст открыт, произведение замкнуто; г) текст множественен, что вызвано «...пространственной многолинейностью означающих, из которых он соткан...»; д) текст не зависит от автора; е) текст сближает письмо и чтение; ж) текст связан с наслаждением без «...чувства отторгнутости...», в смысле непотребительского удовольствия [там же, с. 415–417]. Из приведенного выше видно, что оппозиция «произведение – текст» в значительной мере отходит от понимания текста как исключительно художественного, формируя понимание текста как универсальной постструктуралистской категории. Культурная детерминированность неявного смысла, актуализируемая в структуре, в постструктурализме уступила свое место культурной детерминированности «диктата» автора произведения. Изоляция авторского произведения от неподверженного данному диктату текста способствовала процессам редукции культуры к тексту [11].

Тезис «культура – текст» окончательно устранил в постструктурализме исключительно методологические притязания и **сформировал философскую парадигму «культура-текст-читатель»**. Динамизм текста, тождественного культуре и фактически заменившего собой культуру на спекулятивном уровне, не смог и не мог заменить ее на уровне онтологическом, продуцируя тем самым мировоззрение статичности культуры и ее окончания, обусловленного устранением из культуры ее потенциального субъекта. Так, отказ от диктата автора стал расплатой за свободу безграничного текста, а свобода текста стала расплатой за окончание подлинно культурного. Однако «торжество свободы» было недолгим и «умерший автор» уступил свое место уже метаавтору, позволяющему обрести «свободу», но в известных пределах.

В данном случае речь идет уже не об описанных Ж. Бодрийяром символическом обмене и капиталистическом производстве знаков, подменивших собой вещи и социальные отношения, когда потребление относится к системе значений, олицетворяется с языком или системой родства в примитивном обществе. Вещь олицетворяется со знаком, а все процессы потребления, такие как обращения, покупка, продажа, являются определенной коммуникацией [16, с. 109]. Именно в этом смысле потребление никогда не является потреблением для себя [там же, с. 108], оно, как язык, направлено на социальные отношения, фиксируемые в коммуникации, в результате чего «...индивидуальные потребности и наслаждения являются только словесными эффектами» [там же, с. 109]. Но коммуникация через потребление предстает у Ж. Бодрийяра как принужденная коммуникация, когда вещь, расцениваемая как знак, обретает свою знаковую в принуждении.

Структурная и постструктурная программы представляют собой очередной и, по всей видимости, не последний способ редукции социокультурного многообразия, проявляющего себя в гуманитарном знании к строгим закономерностям по типу естественных наук. Данное обстоятельство обозначается таким образом, что «...структурализм, по сути, воспроизводил методологические тезисы, известные со времен О. Конта, Э. Ренана или И. Тэна. Разница заключалась лишь в том, что представители позитивизма онтологизировали казуальный детерминизм, а структуралисты – детерминизм имманентный, но в обоих случаях речь шла о «смерти субъекта» и «смерти автора», вопрос заключался лишь в способах их «умерщвления» [11, с. 6]. Данная «позитивистская направленность» структурализма объясняет неприятие им категории «субстанция» и попытки устранить субстанциональное понимание языка начиная с Соссюра. «Для позитивизма во всех его исторических разно-

видностях характерно последовательное неприятие категории субстанции как объективной категории» [17, с. 343]. Такое неприятие возымело свои не только научно-методологические, но и мировоззренческие последствия.

Структурная программа мышления предполагает следующие позиции: а) структура является самодостаточной системой без ее отнесенности к субстанции; б) структура является самоценной и в своей соотнесенности к субстанции – доминирующей и определяющей, «...структура воплощается в реальности и образы она их конституирует, но она не производна от них...» [10, с. 136]; в) структура не обладает абсолютной самодостаточностью и представляет собой форму организации субстанции. Обозначенные подходы находят свое выражение и в более узкой проблематике текста, актуализирующейся сегодня в результате переноса текста в киберпространство и формирования гипертекста.

Подобное структурно-субстанциональное рассмотрение текста прослеживается и в фундаментальных философских построениях М. М. Бахтина. Дуалистичность текста по Бахтину определяется наличием у него двух «полюсов»: «полюса» общепонятной системы знаков и «полюса» индивидуального и неповторимого текста [18, с. 301]. Первый представляет условную систему знаков и выражается в языке. Основными характеристиками языка как системы знаков выступают: повторимость и воспроизводимость, обнаруживаемая вне конкретного, неповторимого текста. Второй «полюс» выражается в тексте, имеющем необходимую для его реализации диалектическую связь с системой языка, которая фактически и делает возможным существование текста, тогда как текст, существующий вне языковой системы, представляет «...комплекс криков и стонов, лишенных языковой (знаковой) повторяемости» [19, с. 301]. Диалектичность взаимодействия текста и языка выражается посредством того, что первый, функционируя в рамках повторяемости и воспроизводимости второго, продуцирует индивидуальное, единственное и неповторимое. Фактически в тексте реализуется локальное отрицание языка, т. е. отрицание глобальной повторяемости языка в рамках локального текста, в результате чего система языка выступает средством для достижения цели (смысла) в тексте. Таким образом, смыслообразование происходит, согласно терминологии Бахтина, в области второго текстового «полюса».

Текстовый полюс характеризуется: этико-эстетическим содержанием; авторством; противоположностью «естественной» случайности; диалогичностью «...в пределах определенной сферы» [там же, с. 302]. Подобные идеи, сформулированные Бахтиным, формируют понимание двух значительных (предельных)

«линий», существующих в пространстве языка и текста. С одной стороны, такой линией является система языка, с другой – приобретающий свою уникальность в продуцируемых им смыслах текст. Обе обозначенные линии являются системами, находящимися во взаимосвязи с опосредованной субъектностью, направленной на познание мира, понятого как мира культуры, «второй природы». И если принципиальная возможность наиболее полного познания (расшифровки) системы языка реализуема на основании возможного существования единого «языка языков», то текст не может быть подвергнут окончательной «расшифровке», поскольку «...нет потенциального единого текста текстов» [там же, с. 303].

Сегодня состояние текста демонстрирует себя в практике гипертекста, который проявляет свою связь с первым в отрицании линейности классического текста и сохранении важнейших сущностных характеристик текста, выражаемых через способность во взаимодействии с познающим субъектом продуцировать смыслы. «Смысл субъективируется в новом сознании в виде мыслей, образов, ментальности человека понимающего» [20, с. 216]. Тексту предшествует предположение со стороны автора сферы, затрагиваемой в тексте. Иными словами, текст содержит в себе некоторый имплицитный компонент, эксплицируемый в том числе посредством герменевтических процедур. В результате данного обстоятельства уже на интуитивном уровне исследователю текста предельно ясно, что текст имеет своим основанием гораздо более глубокий социокультурный контекст, нежели тот, который раскрывается, затрагивается в самом тексте, поскольку текст не безграничен, его ограничивает собственная структура, благодаря которой он оформляется как завершённый, самостоятельный, статичный. Таким образом, процесс создания текста остается за пределами самого текста, в области неявного, интуитивно постигаемого, соотносимого в логике данной работы с субстанциональным содержанием, характеризующимся принципиальной незавершенностью и неисчерпаемостью, тогда как текст, взятый сам по себе, принципиально исчерпаем. Заметим, что мы не исключаем возможностей рассмотрения с научных позиций истории возникновения тех или иных текстов, обстоятельств их создания, вместе с тем мы подчеркиваем тот факт, согласно которому полная реконструкция процесса создания того или иного научного или литературного произведения в целом любого текста крайне затруднительна и имеет свои пределы. Это обстоятельство убедительно подтверждает история развития философской герменевтики в той ее части, которая касается проблемы понимания автора текста, эволюционировавшая от идеи познания автора [19, с. 153] до идеи о невозможности и бессмысленности полного понима-

ния автора, т. е. «вживания» и перехода от эпистемологической герменевтической проблематики к онтологической [21].

Смещение структурного и субстанционального компонентов происходит в практике гипертекста. Гипертекст в отличие от текста характеризуется динамикой и незавершенностью. Обозначенное обстоятельство выражается в первую очередь через процесс создания гипертекста, в отличие от текста находится в пределах самого гипертекста, что достигается через его незавершенность. Таким образом, имплицитная сторона классического текста в гипертексте приобретает свою выраженную эксплицитность. Ограниченность субстанциональной выразительности гипертекста проявляется в его комбинаторности, т. е. составлении гипертекста путем комбинации частей других, ранее созданных гипертекстов, которые преобразуются в «...коллажи, склейки из текстов иных» [22, с. 17]. Вместе с тем современная практика гипертекста не ограничивается исключительно репродуктивной направленностью, проявляя и продуктивные тенденции, выражающиеся в создании уникального контента, в том числе и гипертекстового.

Обозначенное выше обстоятельство имеет своим основанием глубинные социокультурные тенденции, присущие современности. Так, при характеристике информационного общества, часто трактуемого как тождественного современному обществу, отмечается, что в рамках информационного общества инструментальность социальности приобретает явный и открытый характер. Таким образом, указанные тенденции, реализуясь в области языка и области текста, стимулируют формирование гипертекстового пространства, являющегося необходимым «ответом» на вызов динамики современного социума. Структурно-философский анализ текста позволяет выявить его важнейшую негативную черту, а именно – стремление к дегуманизации социокультурного пространства, которое является следствием противоречия локально-прагматического целеполагания и гуманистических устремлений современного социума. «Сегодня в европейской философии сложилась ситуация, при которой реальный живой процесс человеческого познания полностью заменен достаточно сильными абстракциями, результаты оперирования с которыми безоговорочно экстраполируются на реальный процесс познавательной деятельности» [23, с. 515]. В результате «декларируемый» гуманизм не находит своей реализации в практической социальной деятельности. Возможность преодоления данного противоречия мы усматриваем в волевой, целеполагающей деятельности субъекта, способного противостоять негативным тенденциям в структуре социального пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. С. Структурализм // Современная западная философия : словарь. М. : ТОН – Остожье, 1998. С. 395–398.
2. Соссюр Ф. де Заметки об общей лингвистике. М. : Прогресс, 1990. 274 с.
3. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 695 с.
4. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. 371 с.
5. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм : «за» и «против». М. : Прогресс, 1975. С. 193–230.
6. Гольдман Л. Структурно-генетический метод в истории литературы // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 335–348.
7. Грицанов А. А., Абушенко В. Л. Мишель Фуко. Минск : Книж. дом, 2008. 320 с.
8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Петрополис, 1998. 432 с.
9. Горных А. А., Грицанов А. А. Деконструкция // Постмодернизм : энциклопедия. Минск : Интерпрессервис : Книж. дом, 2001. С. 196–198.
10. Делёз Ж. Логика смысла. М. : Академ. проект, 2011. 472 с.
11. Косиков Г. К. «Структура» и/или «текст» // Французская семиотика : от структурализма к постструктурализму / пер. с фр., сост. и вступит. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 2000. С. 3–48.
12. Береснева Н. И. Язык и реальность. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2004. 179 с.
13. Кутырев В. А. Крик о небытии // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 66–79.
14. Делез Ж. По каким критериям узнают структурализм // Делез Ж. Марсель Пруст и знаки : статьи. СПб. : Алетейя, 1999. С. 133–174.
15. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика : пер. с фр. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
16. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
17. Ильенков Э. В. Философия и культура. М. : Политиздат, 1991. 464 с.
18. Бахтин М. Автор и герой : к философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. 336 с.
19. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб. : Европейский дом, 2004. 242 с.
20. Кравец А. С. Философская теория смысла. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2022. 298 с.
21. Гадамер Х.-Г. Истина и метод : основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 352 с.
22. Лекторский В. А. Субъект в истории философии : проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 5–18.
23. Микешина Л. А. Философия познания : полемические главы. М. : Прогресс-традиция, 2002. 624 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Борсяков Ю. И., доктор философских наук, профессор кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин

E-mail: bui965@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University

Borsyakov Yu. I., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Economics and Social and Humanitarian Disciplines

E-mail: bui965@yandex.ru